

Российская академия наук
Институт восточных рукописей (Азиатский Музей)

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Материалы международной научной конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения
С.Г. Кляшторного

Москва
Наука–Восточная литература
2019

Р.Ю. ПОЧЕКАЕВ*

Казахстан, Ташкент, Восточный Туркестан под властью Джунгарского ханства в первой половине XVIII в. (по запискам российских путешественников)¹

В первой половине XVIII в. Джунгарское ханство достигло своего расцвета и вступило в борьбу за контроль над целым рядом стран и регионов Центральной Азии. В течение короткого времени под его контроль попали Восточный Туркестан (Кашгария), независимое Ташкентское владение, а также целый ряд родоплеменных подразделений казахов Старшего и Среднего жузов. Между тем, казахские правители в это время формально признавали подданство Российской империи, тогда как на власть над Ташкентом претендовали правители Ферганы (будущего Кокандского ханства). В статье предпринимается попытка анализа правового статуса упомянутых стран Центральной Азии на основе свидетельств российских дипломатов, торговцев и ученых, побывавших в них в XVIII в. Автор приходит к выводу, что Джунгарское ханство сумело установить длительный контроль над ними, несмотря на претензии других государств, поскольку использовало наиболее эффективные механизмы управления, сочетая политические и экономические средства — как традиционные для центральноазиатских «степных империй», так и новые, которые отражали процессы модернизации, проходившие в самом Джунгарском ханстве.

Ключевые слова: Джунгарское ханство, Российская империя, Восточный Туркестан, Казахстан, Ташкент, вассалитет, записки путешественников.

DOI: 10.25882/jfky-1d41

* Роман Юлианович ПОЧЕКАЕВ — кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал); ropot@mail.ru

¹ Исследование выполнено в рамках проекта № 18-IP-01, поддержанного НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.

Исследователи неслучайно характеризуют Джунгарское ханство как «последнюю степную империю»: в середине XVII — первой половине XVIII в. это государство вело весьма активную экспансионистскую политику, подчиняя своей власти многочисленные соседние страны, регионы и народы. В конце XVII в. джунгарские правители потерпели поражение от империи Цин и лишились возможности распространить свою власть на восточные монгольские ханства, которые признали зависимость от маньчжурских императоров. Однако уже в первой четверти XVIII в. Джунгарское ханство заставило признать зависимость правителей Восточного Туркестана², независимого Ташкента, ряд казахских ханов и султанов Старшего и Среднего жузов³.

В настоящей статье предпринимается попытка анализа правового положения этих территорий, а также причин, по которым джунгарские (ойратские) правители сумели в течение нескольких десятилетий эффективно контролировать эти государства, которые были, во-первых, тюркскими, а не монгольскими, во-вторых, мусульманскими, а не буддийскими, а в-третьих, являлись объектом притязаний со стороны других крупных государств (на Ташкент предъявляли претензии правители Ферганы, а казахи уже с начала 1730-х годов формально признали подданство Российской империи).

Интересующие нас сведения не могут быть извлечены из правовых документов Джунгарского ханства (в частности, свода законов «Их Цааз» и ряда дополнительных указов хунтайджи), которые касались регулирования отношений в самом ойратском обществе. Некоторые аспекты рассматриваемой проблемы нашли отражение в китайских официальных документах и исторических сочинениях цинского периода и уже стали объектом научного анализа [Далай, 2002: 223–287; Чернышев, 1990: 66–76]. Однако нельзя не согласиться с мне-

² Первое покорение Восточного Туркестана ойратами произошло в 1678 г., когда Галдан Бошугту-хан помог вступить на престол в Яркенде представителю местной святительской династии Ходже Аппаку. Однако последующие войны с Китаем отвлекли джунгарского властителя от ситуации в регионе, и в начале XVIII в. преемникам Галдана пришлось восстанавливать контроль над ним — уже в результате конфликта с империей Цин [Валиханов, 1985: 128–129; Brophy, Onuma, 2016: 1, 89].

³ В течение первой половины XVIII в. ойратские чиновники также собирали дань с народов Алтая и бабарбинских татар, формально признававших подданство России, и только в начале 1750-х годов, в связи с ослаблением Джунгарского ханства российским властям удалось пресечь эту практику (см., например, [Кушнерик, 2005: 210; Потанин, 1868: 1]). Однако, поскольку четко организованной системы управления этими народами джунгаские правители не создали, мы их в рамках данного исследования не рассматриваем.

нием И.Я. Златкина о необъективности этих источников, поскольку в китайской историографической традиции Джунгарское ханство позиционировалось как мятежное владение империи Цин; соответственно, китайские историки принижали и примитивизировали джунгарскую систему управления вассалами [Златкин, 1983: 211]. Гораздо более объективная информация содержится в записках российских путешественников, побывавших в Джунгарии и ее вассальных владениях в первой половине XVIII в. (см. подробнее: [Магидович, Магидович, 1984: 138–142]). Среди них были и дипломаты, и торговцы, которые обращали внимание на разные аспекты взаимоотношений Джунгарии и ее центральноазиатских владений, тем самым как бы дополняя друг друга. Эти источники представляются весьма ценными и поэтому являются основными в рамках настоящего исследования.

Безусловно, различия в этнической и религиозной принадлежности, а в ряде случаев — и в хозяйственном укладе заставляли центральноазиатские народы и государства воспринимать ойратов как чужаков, поэтому не приходится удивляться, что Джунгарское ханство установило контроль над Восточным Туркестаном, казахами и Ташкентом исключительно военными средствами⁴. Соответственно, лояльность вассальных правителей джунгарским хунтайджи обеспечивалась традиционным для тюрко-монгольских обществ средством — передачей сюзерену аманатов-заложников. Так, подпоручик К. Миллер и его спутник Андрей Кушелев, в 1738–1739 гг. побывавшие в Ташкенте, вассальном Джунгарскому ханству, упоминают, что сын Жолыбарса, хана казахского Большого жуза, находится в аманатах у «калмык-контаншинцов» [Миллер, 2007а: 54]. Согласно сообщению побывавшего в Среднем жузе башкира Тюкана Балтасева, местные правители хан Абу-л-Мамбет и султан Борак в 1743 г. также послали к Галдан-Цэрену своих сыновей, получив от него как вассалы по кафтану из золотой парчи и по собольей шапке ([РДО, 2006: 95–96], см. также [Миллер, 2007б: 102, 106, 118]). Аналогичным образом правитель Восточного Туркестана Даниэль-ходжа в 1720 г. был вынужден отправить ко двору Галдан-Цэрена своего старшего сына Джахан-ходжу [Валиханов, 1985: 129].

Интересы ойратского сюзерена в вассальных владениях представляли особые чиновники, которые в китайских источниках именуется

⁴ При этом следует подчеркнуть, что джунгарские правители XVIII в. уже не придерживались такой воинствующей религиозной политики, как их предки в XVII в. [Ерофеева, 2009: 33–34; Моисеев, 1991, с. 51], и не старались обратить зависимых от них мусульман Центральной Азии в буддизм.

«кутуцинаэр», а в русских — «управители» [Потанин, 1868: 5; Чернышев, 1990: 68]. Их функции не вполне четко определены, но, судя по контексту записок русских путешественников, именно они контролировали основные направления внешней политики вассальных владений Джунгарского ханства и даже участвовали наряду с местными династиями в приеме иностранных (в том числе российских) дипломатов, принимали решения об ответе им и возможности их дальнейшего следования в Джунгарию. Подобный статус чиновников, на наш взгляд, нечто новое по сравнению с прежними имперскими институтами даруг (баскаков), возможно, связанное с рецепцией подобного института из китайской имперской практики. Внутреннее же устройство вассальных владений ойраты сохранили в прежнем виде, ограничиваясь в ряде случаев утверждением на административные должности конкретных лиц (см., например, [Brophy, Ounma, 2016: 2])⁵.

Хунтайджи выступали не только как номинальные сюзерены перенаселенных народов и государств: они видели свою задачу в поддержании порядка в них, улаживании споров и разногласий вассальных правителей. Казак Мансур Асанов, сопровождавший в начале 1745-х годов казахского хана Абу-л-Мамбета в его поездке в Туркестан, сообщает, что тот вступил в спор по поводу власти в Среднем жузе со своим родственником Сеит-ханом: оба решили передать его на рассмотрение джунгарского хунтайджи Галдан-Цэрена, причем торжественно оформили это решение в присутствии вышеупомянутого наместника — «калмыцкого управителя» [Вяткин, 1940: 49–50].

В период правления хунтайджи Галдан-Цэрена (1727–1745) происходит существенное укрепление центральной власти, нашедшее отражение и в обеспечении порядка и безопасности на территории ханства. Это нашло отражение и в вассальных государствах, где ойратские сюзерены также старались добиться сохранения правопорядка. Так, поручик К. Миллер сообщает, что, когда его караван прибыл в Ташкент, местные казахи хотели его ограбить, но отказались от своего намерения, когда узнали, что Россия пребывает во «всегдашнем согласии» с Джунгарским ханством, и не осмелились нарушить запреты своего сюзерена Галдан-Цэрена. Тогда же до российского посланца дошли вести о разграблении казахами другого торгового каравана, и представитель хунтайджи, также находившийся в это

⁵ Исключение, пожалуй, составляет ситуация в Восточном Туркестане, где после смерти Даниэль-ходжи в 1735 г. они предпочли разделить единое прежде владение между четырьмя его сыновьями-наследниками [Валиханов, 1985: 128–129].

время в Ташкенте, узнав об этом, тут же предложил Миллеру подать по этому поводу жалобу ойратскому монарху [Миллер, 2007а: 34, 36].

Ташкентское владение и Восточный Туркестан традиционно являлись важными торговыми узлами в Центральной Азии, поэтому хунтайджи всячески старались поддерживать и развивать их в этом отношении. Иван Степанович Унковский, побывавший с дипломатической миссией в Джунгарии в 1722–1724 гг., несколько раз упоминает «контайшинных купчин» из числа как ойратов, так и жителей Восточного Туркестана [Унковский, 1887: 72–73]. Можно предположить, что речь идет о торговцах, в дело которых вкладывали деньги правители — такая практика имела место еще в эпоху Монгольской империи и в последующих тюрко-монгольских государствах (см. подробнее: [Почекаев, 2015: 136–139]). Аналогичным образом активно велась джунгарская торговля и через Ташкент. Вятский купец Ш. Арасланов, побывавший в городе в 1741–1742 гг., сообщает, что ойраты покупали здесь фрукты и ягоды, меха и хлопчатобумажные ткани, у русских — красные кожи и т.п., предлагая взамен баранов, быков, коров и лошадей [Арасланов, 2007: 95].

Хунтайджи стремились привлекать иностранных торговцев в свои владения, в том числе и в упомянутые вассальные государства, и для этого достаточно активно вмешивались даже в частноправовые отношения, чего прежде не практиковали властители «степных империй». Так, русские торговцы нередко страдали от недобросовестности своих центральноазиатских должников и нередко вынуждены были надолго приезжать в регион, чтобы взыскивать эти долги. К примеру, симбирский житель Кокураев в 1738–1745 гг. и тобольский дворянин А. Плотников в 1752 г. приезжали в Восточный Туркестан для сбора долгов с местных контрагентов; оба упоминают, что представители «зенгорских» властей оказывали им всяческое содействие [РДО, 2006: 165–168; Чимитдоржиев, Чимитдоржиева, 2012: 116–117].

Наряду с торговлей джунгарские правители старались развивать и производство, причем не только в собственных владениях, но и в вассальных государствах, привлекая для этой цели и «иностранных специалистов». Сержант Филимонов, ездивший гонцом в Джунгарское ханство в 1751 г., упоминает, что «колыванских заводов беглой Ефим Вязмин, он же Билдяга» сначала устроил в Яркенде «завод серебряной», который, однако, был «з довольным убытком оставлен и брошен», и энергичный беглец вместо него основал «завод коженной и делает кожи красные» [РДО, 2006: 158–159].

В Джунгарском ханстве существовала развитая налоговая система, которая распространялась и на вассальные государства. При этом ойратские хунтайджи в полной мере учитывали специфику хозяйственной деятельности подвластных им регионов; соответственно, налоги и повинности с них взимались различные.

Развитые в торговом и ремесленном отношении города Восточного Туркестана, согласно майору Леонтию Угримову, побывавшему в Джунгарии в 1732 г., должны были платить ойратам дань золотом (700 лан в год) и тканями («хамы», «басмы» и «зендени») ⁶. Однако все больший рост налогов привел к обеднению и сокращению населения, так что некоторые города (в частности, Куча) платили лишь небольшую дань медью ⁷ [Унковский, 1887: 234–235; Чернышев, 1990: 68].

С казахов Старшего и Среднего жузов, как сообщает вахмистр князь Ураков под 1744 г., дань бралась «порохом ручным и свинцом», а также «был побор пансырями». Последний вид сбора был, по-видимому, чрезвычайным, поскольку впоследствии один из казахских предводителей обратился к хунтайджи, говоря, что «такой налог ни у дедов, ни у отцов не бывало» [Вяткин, 1940: 50–51].

Помимо дани с казахского населения джунгарские владетели требовали поставки солдат, т.е. ввели воинскую повинность. Естественно, вассальным правителям совершенно не хотелось, чтобы их воины гибли в войнах сюзерена, поэтому они нередко старались уклониться от ее несения или по крайней мере уменьшить ее. Так, согласно вышеупомянутому Т. Балтасеву, в 1743 г. хунтайджи потребовал от казахских правителей Старшего жуза и Ташкента поставить ему 10 тыс. воинов, а они отправили ему лишь 3 тыс. Годом позже, по сообщению князя Уракова, джунгарские управители провели перепись лиц призывного возраста «в службу и оставили их с таким приказом, дабы были в поход готовы, якобы под Абулкерим бека» (т.е. против ферганского правителя, претендовавшего на Ташкент) [Вяткин, 1940: 51].

Особенности правового положения вассальных мусульманских государств под властью Джунгарского ханства нашли отражение и в специфике правового регулирования, в котором сочетались элементы

⁶ По сведениям Ч.Ч. Валиханова, Восточный Туркестан в течение всего периода джунгарского владычества платил хунтайджи 400 тыс. танга в месяц [Валиханов, 1985: 128].

⁷ По всей видимости, речь идет не о медных монетах, а о металле для производства пушек, поскольку в это время в Джунгарском ханстве активно развивалось собственное литейное производство — также при участии иностранных специалистов.

мусульманского и тюрко-монгольского права в гораздо большей степени, чем в государствах Средней Азии, где шариат (по крайней мере формально) считался доминирующей правовой системой. Так, драгун Михайло Давыдов, побывавший в 1745 г. в Джунгарии и Восточном Туркестане, приводит слова «зенгорского бухаретина», т.е. жителя Восточного Туркестана по имени Турда, о том, что «вера у нас с абдыкарымами (жителями Ферганы. — *Р.П.*) равно, но токмо закон не равен» (впрочем, не забыв при этом заявить о религии самих ойратов, что «поганая де у них вера, что сырое мясо едят») [РДО, 2006: 128–129].

Представленный анализ сведений российских путешественников показывает, что вассалы Джунгарского ханства в Казахстане, Ташкенте и Восточном Туркестане обладали весьма специфическим статусом, в рамках которого сочетались довольно жесткий контроль со стороны ойратских властей и широкое внутреннее самоуправление. Некоторые механизмы управления вассалами ойратские правители унаследовали из монгольского имперского опыта, однако некоторые стали новациями — своего рода ответом на вызовы новых политических и экономических реалий. Это позволяет сделать вывод об активном правовом развитии Джунгарского ханства в первой половине XVIII в., которое соответствовало его политическому статусу влиятельного государства Центральной Азии, на равных взаимодействовавшего с такими обширными империями, как Россия или Цин.

Литература

- Арасланов, 2007 — «Сказка» вятского купца татарина Шубая Арасланова о его поездке с торговым караваном в 1741–1742 гг. в Ташкент // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX вв. Алматы, 2007. С. 86–100.
- Валиханов, 1985 — *Валиханов Ч.Ч.* О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 годах // Собр. соч. в пяти томах. Т. 3. Алма-Ата, 1985. С. 97–218.
- Вяткин, 1940 — *Вяткин М.П.* «Сказки» XVIII в. как источник для истории Казахстана // Проблемы источниковедения. Сб. 3. М.; Л., 1940. С. 45–60.
- Далай, 2002 — *Далай Ч.* Ойрад монголын түүх. Тэргүүн боть. Улаанбаатар, 2002.
- Ерофеева, 2009 — *Ерофеева И.В.* Памятники тибетского буддизма середины XVII — первой половины XVIII в. в Казахстане: новые исследования и находки // Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: Сб. материалов науч.-практич. конференции. Алматы, 2009. С. 27–47.

- Златкин, 1983 — *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). 2-е изд. М., 1983.
- Кушнерик, 2005 — *Кушнерик Р.А.* Дипломатические миссии И.Д. Чередова в Джунгарию во втором десятилетии XVIII в. и их результаты // Актуальные вопросы истории Сибири. Пятые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: Сб. научных трудов. Барнаул, 2005. С. 210–213.
- Магидович, Магидович, 1984 — *Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. Т. III. Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII — XVIII в.). 3-е изд., перераб. и доп. М., 1984.
- Миллер, 2007а — Материалы поездки поручика Пензенского гарнизонного пехотного полка Карла Миллера и геодезиста подпоручика Алексея Кушелева с торговым караваном из Оренбурга в Ташкент (29 августа 1738 г. — 5 июня 1739 г.) // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX вв. Алматы, 2007. С. 32–55.
- Миллер, 2007б — Журнал поездки майора пензенского гарнизонного пехотного полка Карла Миллера к джунгарскому хану Галдан-Цэрену (3 сентября 1742 г. — 2 мая 1743 г.) // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX вв. Алматы, 2007. С. 101–135.
- Моисеев, 1991 — *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1991.
- Потанин, 1868 — *Потанин Г.* О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии. М., 1868.
- Почекаев, 2015 — *Почекаев Р.Ю.* Правовая культура Золотой Орды. М., 2015.
- РДО, 2006 — Русско-джунгарские отношения (конец XVII — 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / Сост. Моисеев В.А., Ноздрин И.А., Кушнерик Р.А. Барнаул, 2006.
- Унковский, 1887 — Посольство к джунгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы / Изд., пред. и прим. Н. И. Веселовского. СПб., 1887.
- Чернышев, 1990 — *Чернышев А.И.* Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990.
- Чимитдоржиев, Чимитдоржиева, 2012 — *Чимитдоржиев Ш.Б., Чимитдоржиева Л.Ш.* Материалы Омского архива по русско-джунгарским отношениям в XVIII в. // Российское монголоведение. Бюллетень VI. М., 2012. С. 109–127.
- Brophy, Onuma, 2016 — *Brophy D., Onuma T.* The Origins of Qing Xinjiang: A Set of Historical Sources on Turfan // TIAS Central Eurasian Research Series. No. 12. The University of Tokyo, 2016.